

Глава I

Усадьба «Лиственницы», неподалеку от Шипхея,
Торки, Девоншир
14 мая 1918 года

*Мисс Клариссе Гамильтон,
полевой госпиталь 17,
ВС Великобритании, Франция*

Моя милая Кларисса!

Спасибо за твое чудесное длинное письмо. Меня изумляет обыденный тон, которым ты описываешь все эти ужасы и опасности. Кто бы мог подумать, что ты — ты, начинавшая визжать при виде мыши в дортуаре, — окажешься такой бесстрашной.

Конечно же, ты имеешь право на меня сердиться. Я знаю, что обещала писать как можно чаще, и позорно нарушила свое слово. Дело не в том, что я ленивая, и уж точно не в том, что я тебя позабыла. Ты всегда в моих мыслях и молитвах. В этом можешь быть уверена. Просто моя собственная жизнь в сельской местности абсолютно лишена каких-либо событий в сравнении с теми опасностями и тревогами, с которыми сталкиваешься ежедневно ты. Честно говоря, мне просто не о чем писать, как ни стыдно в этом признаваться. Там, во Франции, где враг так близко, а ты, едва ли не в окопах, заботишься о раненых,

я сижу тут, в безопасности в своей деревне, и ничего не делаю для победы. Разве что ношу матушкины скаканы¹ и кексы с сухофруктами раненым в госпиталь для выздоравливающих и пытаюсь убедить себя, что мое присутствие их подбодрит.

Ритмичное щелканье механической газонокосилки заставило Эмили Брайс отложить письмо и выглянуть в окно. Старый Джош возил косилку по лужайке, хотя та и без того была безупречна. Взгляд Эмили заскользил по саду: рододендроны и кусты азалии ныне пребывали в полном цвету и окружали лужайку яркими розовыми и оранжевыми пятнами. Яблони в саду тоже зацвели и словно покрылись белой пеной. Ее родители принимали свой безукоризненный сад как должное, не понимая, как им повезло иметь садовника, который уже вышел из призывного возраста. Их уютная налаженная жизнь ничуть не изменилась, если не считать... Девушка вздохнула и вернулась к письму.

Как бы я хотела оказаться рядом с тобой, несмотря на все трудности и несчастья, о которых ты пишешь. Я даже думаю, что смогла бы выдержать и крыс, и скудную еду, лишь бы сбежать от утомительного однообразия жизни. Родители до сих пор держат меня в строгости и, невзирая на постоянные уговоры, никогда не позволяют ничего более нужного, чем походы в госпиталь для выздоравливающих (в сопровождении матушки, разумеется!). Знаешь ту песенку о птичке в позолоченной клетке? Это про меня. Как ты, наверное, помнишь, матушка поставила главной целью своей жизни поиск для меня подходящей партии (желателен обладатель титула). Если бы не эта жуткая война, она горы свернула бы, лишь бы меня

---

¹ Традиционные британские булочки быстрого приготовления. Обычно делаются из пшеницы, ячменя или овсянки.

представили ко двору. Но теперь не бывает ни балов, ни охот — честно говоря, сейчас невозможно найти достойного молодого человека, — и она сделалась желчной и беспомощной. Она не хочет меня видеть, но при этом не отпускает от себя.

Я понимаю, что желание окружить меня заботой каким-то образом связано со смертью Фредди. Родители так тяжело ее перенесли! Он был отцовской гордостью и радостью, ты же знаешь. Лучший студент Оксфорда, будущий барристер², а потом и судья, как папа. Но после атаки под Ипром он прожил меньше недели...

Эмили снова отложила письмо, посмотрела на сад и вдохнула запах свежескошенной травы, смешанный с запахом дыма от костра, который Джош развел за зарослями душистого горошка. Знакомые, надежные запахи. Такие домашние. «Как это глупо, — подумала она, — зачем нас учат сдерживать чувства? Почему я даже лучшей подруге не могу сказать, что смерть Фредди разрушила нашу семью?»

До войны отец умел радоваться жизни, а мать, хоть и сноб до мозга костей, порой могла быть искренней и терпимой к человеческим слабостям. А теперь они оба замкнулись в себе; отец сделался тихим и отрешенным, но порой вспыхивал от гнева, а мать критиковала всё и вся. Иногда ощущая на себе взгляды родителей, Эмили казалось, что они хотели бы, чтобы брат остался жив, а она погибла. Ах, Фредди, Фредди...

Как она могла написать, что ей тоже пришлось очень тяжело? После его смерти прошло три года, но рана все еще не зажила. Он был ее старшим братом.

---

² В Великобритании адвокат высшего ранга, представитель одной из адвокатских профессий, имеющий право выступать во всех судах. Этим он отличается от солиситора, право которого выступать в судах ограничено.

Защитником. Она до сих пор помнила тот день, как будто это случилось только вчера. Шел последний школьный семестр, и прямо перед решающим теннисным матчем ее вызвали в кабинет директрисы. Стоя там в теннисной юбочке и сжимая в руке ракетку, она недоумевала, в чем провинилась и что сделала не так. Директриса взяла ее за руку и усадила, прежде чем сообщить плохие новости. Увидеть ее, обыкновенно такую жуткую, доброй и вежливой было уже слишком. Тогда Эмили единственный раз позволила себе заплакать.

Девушка покосилась на лист бумаги. С пера упала капля чернил, и она поспешно промокнула кляксу, прежде чем снова сунуть перо в чернильницу.

Я могу понять, почему они категорически против того, чтобы я вместе с тобой стала сестрой милосердия, но почему же они не позволят мне поискать другое полезное занятие? Вряд ли со мной случится что-то дурное, пока я буду сортировать старую одежду или скатывать бинты в Торки, правда? Я даже готова стать сестрой милосердия в госпитале для выздоравливающих. По крайней мере, я буду приносить пользу. Я умираю от одиночества и разочарования, Кларисса. Я хочу сделать что-нибудь для победы, внести свою лепту, чтобы смерть Фредди была не напрасной. Я понимаю, что не должна жаловаться, живя такой беззаботной жизнью, но...

— Эмили? — Резкий голос матери донесся с лестницы. — Где ты, дитя мое? Я предупредила, что мы должны выйти ровно в десять тридцать. Пойдем. Нельзя заставлять молодых людей ждать.

Девушка снова отложила перо. Очередной ужасный визит в госпиталь для выздоравливающих. С письмом придется повременить. Вообще-то, ей нравилось навещать раненых офицеров, и Эмили бы радовалась этим

посещениям, будь она одна. Но ходить по палатам вслед за матерью, наблюдать, как та изображает благодетельницу, и не иметь ни малейшей возможности самой поговорить с молодыми людьми было невыносимо.

Эмили встала перед зеркалом, небрежно собрала пепельно-русые волосы в пучок и безжалостно утыкала его шпильками в надежде, что он удержится на месте, пока она не наденет шляпку из голубой соломки. Из зеркала на нее смотрели строгие серые глаза. Слишком худая. Слишком высокая. Слишком угловатая. Она скорчила рожицу своему отражению и, взяв перчатки, сбежала по лестнице.

Мать стояла у входной двери. В лавандовом шелковом платье, с лавандовым страусиным пером на шляпе, она выглядела ослепительно. «Такой наряд больше подойдет для приема на открытом воздухе, чем для благотворительного визита», — подумала Эмили. Флорри, горничная, стояла рядом, держа в руках коробки с печеньем.

— И где ты была, позволь спросить? — поинтересовалась миссис Брайс. — Я не видела тебя с самого завтрака.

— Писала Клариссе, — ответила Эмили. — Я получила от нее письмо с утренней почтой. Она упрекает меня в том, что я редко ей пишу.

— Она все еще во Франции?

— Да.

— Работает в госпитале?

— Не совсем. В какой-то санитарной палатке у линии фронта.

— Не представляю, как родители ее отпустили. — Миссис Брайс покачала головой. — О чем они думали, позволяя девушке из хорошей семьи находиться в таких условиях? Удивительно, как она не сошла с ума.

Эмили мрачно посмотрела на мать и хотела было поспорить, но передумала.